

ОЛЬГА КЛЮЧАРЁВА

ДЖЕКИ
ЧАН

НЕИСТОВЫЙ
ДРАКОН

- ◆ ЛИЧНОСТЬ
- ◆ ФИЛЬМЫ
- ◆ ЭПОХА

Ольга Ключарёва

Джеки Чан. Неистовый Дракон: личность, фильмы, эпоха

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42756557
ISBN 9785449694836*

Аннотация

Первый вариант книги об актёре, режиссёре, сценаристе, продюсере, каскадёре, мастере боевых искусств Джеки Чане вышел в свет к 50-летию героя. Сегодня читателю предлагается новое, основательно переработанное и дополненное издание, а также главы, касающиеся недавних событий. Надеемся, что интерес вызовут разделы-отступления о деятельности Брюса Ли, о кинематографии и деятелях кино Гонконга, а также о самом этом городе – мекке, где рождались и развивались уникальные жанры кино и личности.

Содержание

Введение.	5
Вокруг темы. Книги, ресурсы	18
Гонконг. Город – на века вперёд	25
О гонконгском кинематографе.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джеки Чан Неистовый Дракон: личность, фильмы, эпоха

Ольга Ключарёва

*Нам, российскому поколению видеокассет
формата VHS, посвящается!*

Дизайнер обложки Елена Кислицына

Фотограф Ольга Ключарёва

© Ольга Ключарёва, 2019

© Елена Кислицына, дизайн обложки, 2019

© Ольга Ключарёва, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-9483-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение.

Кто же он такой?

12 ноября 2016 года Джеки Чан стоял на сцене и держал в руках статуэтку «Оскар». Номинация «За вклад в киноискусство». Ни за что конкретно, но одновременно – за всё. За самого себя. Он стоит и перечисляет всех, кого нужно поблагодарить. Список длинный, он спешит, что-то забывает, но, как всегда, немного играет. Его не назовёшь новичком и дебютантом во всём, что касается публичности, публичного пребывания. Привык он и к получению высоких наград. И потому, хоть мы и понимаем, что «Оскар» вручается не каждый день, в его случае это всё-таки одна из премий, один из титулов. Это не та ситуация, когда человек почти теряет сознание и самообладание, а затем начинает лихорадочно и по бумажке произносить заранее заготовленный текст небольшого своего выступления – выступления, которого вполне могло не быть, но вот он – счастливый билет!

Джеки Чан уверенно держит «Оскара» в своей сильной – это видно – руке. Небольшого роста человек, заметно изменившийся за последние годы. Не так давно семья пережила если не катастрофу, то, по крайней мере, серьёзное испытание, повлиявшее на репутацию самого Чэн Луна и бросившее тень на долгие годы удерживавшийся его статус «Уже

Дракон, Ставший Драконом». Его сын Джейси вместе с приятелями был обвинён в содействии сбыту наркотиков и создании условий для лиц, употребляющих наркотики. Марижуана была обнаружена у Фана Цзумина (Джейси Чана) дома. Приговор (и был он максимально мягким) – тюремное заключение на шесть месяцев. В феврале 2015-го срок подошёл к концу, и Джейси вышел на свободу. Отец не помогал. Он и жена Джоан Линь вообще не пришли в суд. Для Джеки Чана, который на многих встречах со зрителями, на концертах и в интервью подчёркивает своё участие в акциях и программах по борьбе с наркотиками, это событие, безусловно, стало ударом. Сложно даже нарочно придумать что-то более отрицательное для его репутации. Да и для всей его семьи.

Теперь он стоит с заветным «Оскаром» в руках. Улыбка, за долгие годы превратившаяся в атрибут, неотделимый от образа всеобщего друга, открытого всему и всем, и выглядящая уже маской. Но он будет её держать. Он профессионал не только в боевых искусствах, не только в своём собственном жанре-бренде «A Jackie Chan Film». Он – высокий профессионал пиара, подачи себя. Себя как образ, который по-прежнему дорог вот уже какому по счёту поколению поклонников. Их возбуждённую и радостную очередь потом, после церемонии, нужно будет ещё отпустить. Если не автографы, то подойти, поприветствовать... Да, на это тоже нужно время и силы. Но он устал. Хотя и привык к этому ощущению уста-

лости. И хотя усталость после съёмок в годы подъёма и истинного драйва – в заветные 80-е, когда делались любимые «Проекты А», «Полицейские истории», «Доспехи бога» – ни в какое сравнение не идёт с усталостью от пребывания в течение нескольких часов в качестве центра внимания. Нет, та, послесъёмочная усталость, была совсем иной.

Отнюдь не для того, чтобы напомнить одним читателям о той неприятной истории с сыном и сообщить о ней тем, кто не был в курсе, выносим мы её в начало книги об этом уникальном деятеле. Нет. Дело в том, что именно этот эпизод, да, пожалуй, ещё один – когда в прессу просочились слухи о внебрачной связи Дракона, и тому, в конце концов, пришлось собрать пресс-конференцию и публично в этом признаваться, – явили публике и вообще миру живого человека. Не человека-легенду, не маску, не образ «Джеки Чан-Непобедимый, Ставший Драконом», а именно человека. У которого случаются ошибки. Который, оказывается, имеет семью, где, как в любой семье, бывают непростые периоды. Человек есть человек, а маска, тщательно однажды отретушированный и время от времени нуждающийся в новом слое ретуши образ и персонаж – сторона иная. Подчас, разобратся, где заканчивается одна история и начинается другая, сложно. Даже несмотря на кажущуюся всеобщую доступность. Ибо «доступность» – тоже продуманный режисёрский и продюсерский умнейший пиар-ход.

А в 2002 году, в ноябре, он и ещё многие его товарищи по кинематографическому цеху и цеху шоу-бизнеса (что в Гонконге часто идёт рядом – актёры кино одновременно с большим успехом и на высоком уровне работают на эстраде) собрались на митинг в поддержку актрисы Карины Лау, фотографии одного из трагических эпизодов жизни которой просочились в прессу. Произошло это в 90-е годы, когда триады ещё вовсю контролировали кинорынок и могли сделать и то, что сделали с актрисой. Те события хранились в тайне и в близком её кругу, но, как известно, от прессы ждать того же не приходится. Тот митинг запомнился ещё и тем, что мы, просматривая сегодня фото с него, можем видеть Джеки Чана, которого сложно поначалу даже узнать (каменное лицо; совершенно ясно, насколько происходящее касается его лично, и абсолютно понятно, как сложно порой не показать своего истинного отношения к вездесущим папарацци, в буквальном смысле влияющим на судьбы и даже на жизни). Мы видим в группе митингующих и Лесли Чуна – глубоко подавленного, закрытого, не могущего уже держать себя в руках от постоянного стресса человека. Через несколько месяцев его жизнь закончится – глубочайшая депрессия и шаг с высоты пары десятков этажей вниз обусловлены были, как теперь уже ясно, в том числе и постоянным прессингом со стороны всё тех же «журналистов». Мы видим там также в абсолютно непривычном ракурсе Аниту Муй (и ей

тоже остаётся жить совсем недолго), ныне, слава богу, здравствующих и работающих Эрика Цана, Энди Лау и многих, многих других. Митинг имел большой резонанс, его эхо разносилось ещё долго. Актёры, устав мириться с тем фактом, что каждый их шаг непременно должен попасть на страницы прессы, да ещё и снабжённым вымышленными и подчас совершенно абсурдными фактами, проявили завидную солидарность, поддержав свою коллегу и товарища.

Но митинги митингами, а жизнь жизнью. Если представители СМИ из разряда «жёлтых» кормятся вымышленными фактами, то, когда происходит что-то на самом деле – подключается не только «желтизна». С нашим героем произошло именно так. Он борется. Удерживает планку, которую держал в самых разных обстоятельствах и своей личной жизни, и в разные периоды жизни внешней – той, что предназначена для глаз и ушей, для фотокамер и диктофонов. Перфекционизм – определяющая черта его личности, и он всегда был заложником этого своего качества. Оно распространяется и на общение с журналистами и репортёрами. В этом можно легко убедиться, посмотрев несколько его больших интервью. Он всегда собран в кулак. Если Джеки Чан соглашается на разговор, то это будет разговор-действие. Это принцип. И это проявление уважения профессионала по отношению к профессионалам. А ещё он в своё время взял себе за правило: не обижаться. Во всяком случае,

долго. И во всяком случае, не показывая, насколько глубоки обида и раздражение. И так, как делает это Джеки Чан, делает мало кто. Даже его легендарный предшественник Брюс Ли иногда не выдерживал и, как утверждали некоторые свидетели, вынимал нож.

Джеки Чан – самобытное явление. Пример личности исключительно созидательной, очень действенной и на действие побуждающей. И то, что являет собой Чэн Лун (действительно «Ставший Драконом»), есть отчасти и общее для всех, кто утвердился и утверждается на ниве гонконгского кинематографа, условие. Это универсальные, талантливые и яркие, активные, не щадящие себя люди. Их умения, их навыки и их деятельность – это работа на износ, причём вдесятеро, в двадцать раз больше, чем где-либо ещё в мире. Об этом в книге будет отдельный разговор на конкретных примерах.

В универсальном порядке, когда включены камеры, Чан охотно делится с нами многим из того, что он приобрёл в плане опыта. Он сделал несколько документальных картин, где сам рассказывает об этапах жизни, о том, как пришёл в кино, как формировались отношения с кинематографом и, собственно, о том, что он смог дать кинематографу и чего требует от него. Картина **«Моя жизнь» (1997)** – биография, а фильм **«Мои трюки» (1999)** – иллюстрация того, как раз-

рабатываются сцены боёв, как планируются и подготавливаются опасные падения и полёты, как создаётся иллюзия настоящей схватки и т. д. Иными словами, Чан смело вводит нас в святая святых – в свою лабораторию. Это замечательная черта. Хотя, как мы уже говорили выше, – и она является приёмом и пиар-ходом, но – бог с ним! Ведь это так привлекает и притягивает вот уже сколько лет. Секретов вроде бы и нет. Но вот повторить... Можно, конечно, но все, кто пробовал, в конце концов признавались, что Джеки Чан в этом смысле остаётся непревзойдённым мастером. Даже (пока) и сейчас. Даже с поправками на возраст, на время, на требования, которые предъявляются к нему и которые ему, увы, уже не всегда удаётся удовлетворить, хоть это и тщательно маскируется. Фирменный стиль, марка Джеки Чана – неизменные атрибуты любого его фильма. Восторг зрителей вызывает момент, когда этот невысокого роста и с виду не самого крепкого телосложения китаец делает то, что переходит грань возможностей большинства. Он на огромной скорости прыгает с летящего в воду мотоцикла, бежит вниз под углом более 45 градусов по стеклянной стене высотного здания, совершает ещё бог знает что (мы постараемся описать как можно больше его трюков). А ведь кому из нас в детстве не хотелось первым перепрыгнуть через широкую канаву или лужу и быть героем в глазах всех. Мы опять узнаём свои чувства, которые с течением времени трансформировались, но не исчезли.

Есть ещё нечто в этой личности, что притягивает и усиливает желание, перенесясь в воображении в предлагаемые обстоятельства его судьбы, следить за развитием событий. Это глубокое чувство уважения к нему и одновременно равенства (сродни дружескому чувству). Оно заставляет нас отложить дела и попросить человека взять нас с собой в путь.

Предмет этой книги – преимущественно путь Чэн Луна. Но на протяжении всего повествования мы неизбежно должны будем обращаться к разным событиям времени, когда он и его друзья начинали, событиям, благодаря которым складывались их разнообразные дороги. Но не только конкретно это выдающееся (что уже сегодня понятно) поколение было бы интересно представить. Ведь ничего просто так не начинается и, к счастью, не заканчивается, не исчезает бесследно. И это одна из особенностей китайской культуры в целом. Парадоксально, но действительно так: даже в суперсовременном, модернизированном, казалось бы, во всём устремлённом в будущее Гонконге, при ближайшем рассмотрении можно отыскать огромное количество черт интереснейшего прошлого. А если не лениться и несколько дней походить среди торговых рядов в кварталах, где и в 50-е годы прошлого века, и сегодня, уже практически на рубеже 20-х годов века нашего, всё, в целом, остаётся так же, почти не меняется в бытовом русле, то можно собственными глазами убедиться

в этом. Преемственность в самой сути жизни, в её искомом смысле – вот, пожалуй, самое важное и одновременно самое удивительное, что вы сможете увидеть и что вынести по впечатлениям от пребывания в Гонконге. Значит, несомненно, это присутствует и в кино. Неслучайно кинематограф и в далёком прошлом, и сегодня остаётся самым важным из зрелищных искусств для гонконгцев. Применительно конкретно к гонконгскому кинематографу это тем более важно – ведь более синтетичного и динамичного явления среди индустрий, пожалуй, не найти. И всё это, конечно, сколь важно, столь и сложно. Вот почему.

Джеки Чан в течение нескольких десятилетий, благодаря умелым действиям продюсеров, вовремя сделанным крупным ставкам и иным смелым, рискованным, но практически во всех случаях полностью оправдавшим себя поступкам того же порядка, удерживает планку звезды мирового масштаба. При этом (и это, несомненно, является до некоторой степени драмой его жизни и творческой биографии) одновременно оставаясь, конечно, в статусе пришлой звезды на западе. На его примере, как это не покажется странным, парадоксальным образом проступают некие драматические черты – и, как совсем недавно китайцы открыли миру обратную сторону Луны, так и Джеки Чан, на протяжении последних 20—30 лет своей карьеры, продолжает упорно стараться открывать западному миру самого себя. Западный мир же упорно

не хочет видеть в Джеки Чане что-либо трёхмерное, предпочитая, в основном, ту, известную уже джекичановскую «сторону Луны», которая имеет неровности, горы и кратеры – а именно Джеки Чана-мастера боя. И ничего с этим, похоже, поделать нельзя.

А большинство его коллег и друзей из его поколения, которые и начинали вместе с ним и параллельно с ним, и продолжают работать, – практически все известны исключительно в Гонконге или, в лучшем случае, только в странах Азии. На протяжении десятков лет и талантливые продюсеры Луна, и их западные коллеги, в какой-то момент распознавшие в нём потенциальные возможности для удовлетворения рынка, и режиссёры, а за ними и журналисты – словом, все заинтересованные лица, вся индустрия, активно взращивали и культивировали в мире идеальный образ исключительно одной азиатской звезды на весь мир. И это, по масштабу и результату, пример беспрецедентный, но – и со своими сильными, и слабыми сторонами. Джеки Чан был избран звездой. Подавляющее большинство зрителей судят о гонконгском кинематографе, вспоминая почти исключительно только его имя. А, надо сказать, что, при всём уважении, не с него всё это начиналось и сегодня далеко не только им продолжается.

Конечно, наряду с именем Чана, многие, кто знает и лю-

бит кино Гонконга периода 80-90-х, безусловно, вспомнит и Чоу Юньфата, и Мишель Йео, и Лесли Чуна, и режиссёров Джона Ву, Цуй Харка, Вонга Карвая (и насколько это разные деятели – по целям, устремлениям, по почерку!), а также великолепных Мэгги Чун и Тони Люна Чиу-Вая, которые раскрывались в разных работах, но у Карвая их таланты просто заискрились.

Можно вспомнить и уже даже не совсем «гонконгское» кинематографическое событие, но, тем не менее, за четыре года до окончания 99-летнего колониального периода в Гонконге, знаковое – а именно триумфальный выход на европейскую и мировую арену и китайского режиссёра Чэня Кайгэ, и его победу на Каннском фестивале в 1993 году с картиной «Прощай, моя наложница», где полнокровно и мощно, в своей подлинной силе и уникальной степени, проявился талант абсолютно, плоть от плоти, «гонконгского» Лесли Чуна; можно вспомнить и картину «Луна-соблазнительница» (1996) того же Чэня Кайгэ, где вновь работал Лесли Чун – и работал так, что равных на тот момент ему было сложно найти.

Но. При всём том, наш неистовый Лун остаётся по многим параметрам вне конкуренции. Благодаря чему? Тому, что нас в этом много лет убеждают? Или нет? Или он действительно заслуживает этого? Здесь – очень существенный

вопрос, который мы чуть-чуть затронем в самой последней главе нашей книги под названием «Глава, которой быть не должно». Главе – не для фанатов и поклонников. Объективно, есть границы, которые перейти удалось лишь ему одному. Но какие это границы и в чём они заключаются? Те условные границы, что нам с вами усиленно демонстрируют продюсеры и он сам – путём промо-рекламы с миллионными бюджетами? Или границы на пути к действительно и объективно заслуженному званию артиста и кинодеятеля мирового масштаба? Эту нишу он занял благодаря чему? Благодаря всё тем же промо-действиям и миллионным вложениям в его имя или здесь всё-таки есть доля иных влияний? С завидной выдержкой он преодолевает на этом пути – пути утверждения себя в качестве интернационального, мирового героя – и трудности различного порядка, среди которых, конечно, есть пункт отрицательного к нему отношения на родине, среди коллег и друзей. Однако что это: банальная зависть или коллегам есть что предъявить Джеки Чану в качестве счёта на лояльность и цеховую честь?

В рамках книги постараемся показать и других деятелей кино и искусства Гонконга. А число людей талантливых и самоотверженно и ежедневно свой талант доказывающих, перфекционистов и трудоголиков, здесь в избытке. Особенно ярко и щедро их счастливые звёзды светили в 80-90-е годы прошлого века, и тому, как мы увидим дальше, были свои

объективные причины.

Вокруг темы. Книги, ресурсы

За последние годы темы, связанные с гонконгским кинематографом, а также непосредственно с Джеки Чаном, поднимались достаточно активно. И хотя условный западный, европейский мир (сюда относим и Россию) всё ещё имеет по многим вопросам из этого ряда представления довольно общие, – пробелы эти постепенно заполняются. Специалисты, кинокритики и киноманы, безусловно, осведомлены в вопросах истории азиатского кино, его событийности и динамики, гораздо лучше и полнее, и такие популярные журналы как «Искусство кино», а также отдельные публикации и рецензии на фильмы никуда не делись. Однако до недавнего времени практически не существовало изданий, которые могли бы, будучи предназначенными для широкого круга читателей, сполна удовлетворить и их интересы. Кроме интернет-ресурсов и сайтов (хотя и среди них есть очень серьёзные, интересные и насыщенные информационно), рядовой зритель не имел источников, повествующих о гонконгском кино доступным образом.

В 2015 году появляется небольшая, но чрезвычайно ценная книга Дмитрия Комма **«Гонконг: город, где живёт кино. Секреты успеха кинематографической столицы Азии»** («БВХ-Петербург»). Дмитрий Комм – кинокритик,

редактор отдела кино журнала «Панорама TV», куратор профильных программ и постоянный автор журнала «Искусство кино». Азиатское и жанровое кино – его специализация, и появление книги под авторством именно такого уровня исследователя – событие. В книге рассматриваются основные вехи гонконгского кинематографа, его пути, а также причины, по которым кино в стране развивалось именно так, а не иначе. Немало места уделено историческим аспектам. Немало новых для многих, даже искушённых в теме читателей, имён упоминается в книге. Время и личности – предмет интереса и исследования автора. Мы надеемся, что в недалёком будущем на русском языке появится ещё некоторое количество изданий, которые расскажут о гонконгском кино подробно.

Что касается нашего героя, то центральным событием последних лет стал выход в России большого издания нестандартного подарочного формата под названием **«Я счастливый»** («Эксмо», 2016 год). Джеки Чан рассказывает, его помощница и соратник, член его команды Чжу Мо записывает, а также добавляет свои впечатления, оценивает значение многолетнего знакомства и работы с ним. Книга подаёт интересные и, как кажется создателям книги и фанатам Чана, уникальные, удивительные и очень личные факты, о которых не знали даже самые преданные поклонники. Хотя, на самом деле, так или иначе, многое уже известно. Но по-ново-

му рассказано. Джеки Чан успешно культивирует и этот приём. А книга продолжает известную в джекичановском стиле традицию и тенденцию: раскрыть перед читателями и фанатами как можно больше человеческих сторон. Открытость – тоже оружие, и очень мощное. Джеки Чан сознательно идёт на это в последние годы. В особенности, на фоне самых последних историй, которые ему, в общем, не хотелось бы обнародовать. Но в целом, похоже, что и эта книга, равно как и всё выходявшее под обложками «Джеки Чан» в этой связи в последние годы, служит также средством отвлечения внимания от куда более существенных, спорных, а порой прямо отрицательных поведенческих и деловых шагов Джеки Чана в уже узко корпоративной и профессиональной сферах. Да и, по большому счёту, в существующем приёме подачи себя «открыт всем, вся и весь!» – нового мало. И громкие заверения о том, что читатель, наконец, увидит и узнает такого Джеки Чана, какого ещё никогда не видел и не знал, и произойдёт это именно благодаря очередной новой книге, всё-таки мало имеют под собой реальных оснований.

На китайском языке книга вышла в 2015 году, у нас, как мы уже говорили, в 2016-м, а совсем недавно была переведена и на английский и вышла в свет в США под названием «**Никогда не взлослей!**» («**Newer Ground UP!**»). И вот там её выходу предшествовала довольно массированная атака антирекламы, которая сыграла свою роль. Колумнисты вывели в качестве самого захватывающего фактора то, что

в книге Джеки Чан откровенно признаётся в своих проблемах с алкоголем, в своих безудержных страстях, похождениях, а также в том, что он десятками разбивал дорогие машины и ежедневно менял часы. Кроме того, – говорят репортёры, – книга выйдет в свет на фоне последних скандалов в семье Джеки Чана – сын отсидел в тюрьме за наркотики, дочь обвенчалась со своей возлюбленной, окончательно закрепив за собой тем самым нетрадиционную сексуальную ориентацию, а более позорного факта для гонконгско-китайской звезды нет и быть не может. Джеки Чану пришлось нелегко. Ещё и потому, что, подогретая такой предваряющей выход книги «рекламой», пресса успешно продолжила действовать в том же ключе и дальше. Сложно сказать наверняка, но, похоже, продолжать программу создания о себе самом мифов «открытости» и рассказов и представления публике собственной истории жизни под соответствующими углами становится не слишком выгодно. Наступило другое время, власть взята иными условиями. Реалии – пусть и самые неприглядные – дороже мифов. Понимает ли это сам Чэн Лун, покажет время, однако похоже, что из Нью-Йорка после презентации своей книги он уехал растерянным.

В 2000 году в свет выходила ёмкая и содержательная биография нашего героя автора Елены Екимовой **«Джеки Чан и его фильмы»** («Крисмас+», Санкт-Петербург).

В 2006 году в издательстве «Феникс» (Ростов-на-Дону) вышло первое издание книги **«Джеки Чан»** Ольги Ключарёвой. С целью основательной переработки и необходимых дополнений, тем же автором сегодня делается фактически новая история в этом отношении. В том же, 2006 году, во время визита в Гонконг группы поклонников из числа членов Российского фан-клуба Джеки Чана, ему была вручена эта книга. Мероприятие, по рассказам тех, кто собрался на праздник для фанатов из нескольких стран по приглашению компании, было очень интересным.

Отдельно хотелось бы отметить ещё одну книгу (и это уже действительно бестселлер), которая в русском переводе вышла в 1998 году в издательстве «София» (Киев) под названием **«Я – Джеки Чан»** и полное название которой звучит **«I Am Jackie Chan: My Life in Action» («Я Джеки Чан: Моя жизнь в действии»)**. Собственно, это, пожалуй, самая полная автобиография, которую он, конечно, не писал сам, а рассказывал и надиктовывал (как это происходило во всех остальных случаях. Именно по её мотивам в 2017 году, в канун дня рождения Чана (63 года) в Пекине был показан мюзикл под тем же названием. Нам кажется, что и на сегодняшний день именно эта история остаётся пока лучшей, что было создано в данном формате о нём и им самим.

Интернет-ресурсы по тематике как гонконгского кинема-

тографа, так и деятельности Джеки Чана, представлены гораздо шире, нежели источники в печатном формате. Среди российских сообществ и интернет-сайтов, прежде всего, хочется отметить ветеранов движения фанатов – **Российский фан-клуб Джеки Чана** (www.jackie-chan.ru) и отличный информационный сайт, посвящённый гонконгскому кино и его деятелям **Hong Kong Cinema** (<https://hkcinema.ru>). Интересный и информативный, а также, что очень важно, регулярно обновляемый виртуальный источник информации – **группа во ВКонтакте** (https://vk.com/jackie_chan_fanclub), став участником которой можно не только узнавать самые актуальные новости, связанные с кумиром, но и читать в качественном переводе записи самого Чана в блоге Вейбо (https://www.weibo.com/jackiechan?is_hot=1). Российские поклонники сохраняют верность Луну, регулярно, пользуясь приглашениями со стороны Офиса Джеки Чана (<http://www.jackiechan.com>), посещают тематические мероприятия, а также активно общаются между собой и устраивают встречи внутри клубов.

Игра продолжается. Армия поклонников если не растёт теперь так активно, как прежде, – всё же остаётся сплочённым сообществом – хотя и не без поправок и огрехов внутри. Состоит это сообщество из людей, гордо именующих себя фанатами и порой очень самоотверженно, активно и отважно защищающих кумира, отстаивающих и его, и своё пра-

во на завоёванное место. И это серьёзный успех. Ещё один из многочисленных успехов Джеки Чана.

Гонконг. Город – на века вперёд

Если вы приехали в этот город впервые, но гонконгским кино уже «отравились» (а это, поверьте, навсегда!), вам, несмотря на определённый риск, всё-таки стоит забронировать комнату в одной из частных полуподпольных гостиниц в знаменитом здании-муравейнике Chungking Mansions, что в Коулуне. Это и самый центр, и одновременно сам «теневой» Гонконг как он есть. Эти трущобы и закутки, этих торговцев всякой всячиной, этих неопределённого происхождения личностей, которые ловят вас на входе и предлагают комнату, часы Rolex, ещё что-то, – всё это нужно было непременно когда-нибудь запечатлеть в кино. Сделал это умный Вонг Карвай в своей легендарной ленте «Чунгкингский экспресс». Сделал в конце 90-х, а вся жизнь, которую он отразил в самых первых кадрах своего авторского кино (но авторство режиссёра – не есть его выдумка, а есть прямой выход на действительность без всяких прикрас), присутствует в Коулуне и конкретно в Chungking Mansions и сегодня. Гонконг вообще меняется мало. Разве что прирастает новыми жилыми кварталами на окраинах. Самое его сердце – и особенно в Коулуне – это калейдоскоп жизни, активности, разных проявлений быта и вечное движение.

Город старается отдохнуть ночью. Как он красив в это время! Но полной тишины и тогда практически не обрета-ет и уже готовится к раннему рассвету. Гонконг не надоеда-ет никогда. Как и Нью-Йорк, с которым его роднит какое-то особенное отношение к тем, кому посчастливилось хоть еди-ножды в своей жизни попасть в гости или, что ещё лучше, немного пожить там и побродить по улицам. Гонконг и Нью-Йорк прямо сразу, не давая человеку опомниться, погружа-ют его в самые свои центры. В свои трущобы, улочки, вывес-ки, небоскрёбы и кучи мусора. Эти города открывают перед гостем все свои окна. «Смотри! Впитывай. Всё как есть. Всё, как каждый день». И в Гонконг, и в Нью-Йорк ехать нужно, прежде всего, за тем, чтобы избавиться от тех наваждений города, которые создали, демонстрируя его в своих фильмах, самые лучшие деятели кино планеты. Своими глазами уви-деть, что город существует и дышит, выглядит эффектно, но сам по себе гораздо объёмнее, чем на экране. Трёхмернее. Очень интересно оказаться там, где снимается и продолжает сниматься кино, чтобы попробовать сделать это место и сво-им тоже. А Гонконг и кино – суть единые понятия!

Город бывает неприветлив. Проверяет на прочность сво-их же обитателей. И те, кто родился и жил там, а затем реши-лись снимать на его улицах, не всегда достигают желаемого и задуманного. Но атмосфера Гонконга, его запах, его цвет и звук, хоть на мгновение, хоть на минуту (а минута времени в фильме – это много) возникает на экране всегда, и даже

в самом плохом кино, которое делалось здесь.

Он повергает в депрессию. Он даёт ощущение новой жизни. Он обманывает и вновь демонстрирует свою истину и свою волю к переменчивости. И в этой абсолютной общности, скученности, в этом постоянном ощущении чьего-то присутствия рядом, даже если ты оказался в каком-то тихом переулке один – и есть Гонконг.

Впервые я приехала сюда в апреле 2003 года. Не отменив поездку, несмотря на бушевавшую атипичную пневмонию. Ещё не был похоронен один из преданных и самых талантливых «сыновей» Гонконга Лесли Чун, шагнувший вниз с последнего этажа здания отеля Mandarin Oriental. Шок от того отчаянного поступка, продиктованного глубокой депрессией, от этой безвременной смерти в 46 лет мощнейшего драматического артиста и исполнителя хитов в стиле канто-поп, не проходил в Гонконге долго. Его имя на разные лады и в разном звучании было буквально везде – выкрикивалось при входах в магазины и лавки с музыкой и видео. В первые же часы после его гибели было скуплено всё, что его касалось, и предприимчивые продавцы только и успевали подвозить новые копии. Всё выглядело странно. Кругом – белый траурный цвет (от атипичной пневмонии ежедневно в небольшом Гонконге фиксировалось несколько смертей); кругом люди в медицинских масках; везде – видеоэкраны с демонстрирующимися круглые сутки информационными

роликами с практическими советами о том, как себя обезопасить. Портреты Лесли Чуна, его имя. И очень напряжённая обстановка. 8 апреля состоялись похороны, собравшие весь Гонконг. Этот крах, эта катастрофа, которая произошла в жизни отдельного человека, как-то соединилась на моих глазах и с тем, что вообще в те дни переживали старавшиеся держать голову выше гонконгцы. Не самые лучшие времена и события. Но город и тогда жил очень полнокровно. С раннего утра метро заполнялось ехавшими на работу, а днём почти пустовало. В парках собирались пожилые. Вот кто не носил никаких масок! Они приносили в парки клетки со своими птичками, чтобы те подышали воздухом, а сами без конца общались. На набережных и под мостами с рассветом уже выстраивались любители тай чи. В целом, город оставил такое уникальное впечатление, что, в конечном счёте, именно оно, думаю, повлияло на многое в моей жизни в дальнейшем. И когда я спустя четырнадцать лет вновь оказалась там, то, будто встретившись с собой на этих мало изменившихся улицах, окончательно утвердилась в мысли: человеку необходимы и такие впечатления, и такие вот места на земле. Прошу прощения за длинное отступление.

Действительно, фирменная марка Гонконга – киноплёнка. Но не только. Это и его большая армия талантливых и целеустремлённых, активных и жизнерадостных людей. Что удивительно, учитывая и малую территорию, и, соответствен-

но, численность жителей. Пожалуй, нет больше нигде в мире таких примеров, когда буквально на каждый квадратный километр – с десятков талантов. Самоотверженно и ежедневно доказывая своё право заниматься любимым делом, деятели кино и шоу-бизнеса (и это ещё одна уникальная особенность медийного сообщества: здесь практически все – одновременно и певцы, и артисты кино, причём, если в одном жанре проявляют себя с одной стороны, то в кино – совершенно с другой и неожиданной, и сознательно стремятся пробовать это и достигать) работают с такой энергией, какая не снилась условным европейским и западным деятелям. Сильная, но здоровая и честная конкуренция. Труд, который вознаграждается лишь по праву. Талант, который не должен остаться незамеченным. Поддержка и дружба. Нравы, конечно, разные. Реальность часто от идеала далека. Однако было время – конец 70-х, 80-е и 90-е годы – когда в гонконгской публичной среде сложилась вот такая благоприятная и интересная атмосфера. Она и послужила ключевым обстоятельством для рождения целой плеяды кинематографистов, исполнителей, актёров высокого уровня. Самобытных, увлекающихся и увлекающих, стремящихся во что бы то ни стало рассказать о том, как много они могут. И родной фантастический, фантаσμαгоричный Гонконг, который каждый вечер зажигал свои огни, шумел и гудел, вдохновлял их.

Китайское название Гонконга – Сянган, «Порт благово-

ний». Издавна порт использовался для вывоза различных эссенций и разного рода снадобий. На том Гонконг изначально и поднялся. Но автономией был практически всегда. Просто потому, что находился далеко от центра Китая, и представители многочисленных правящих династий были не в состоянии контролировать его. В XIX веке эта территория привлекает внимание английского и французского правительства. В 1898 году Великобритания «арендует» Новые Территории и сам остров на срок 99 лет за символическую плату в 1 доллар. В 1997 году действие соглашения об автономии было прекращено, однако Гонконг не перешёл полностью под влияние Китая, и договорённость о статусе «Две страны, две системы» продолжает действовать.

Несмотря на все перемены и тенденции последнего времени, географически Гонконг остаётся своеобразным «краем земли». Это более двухсот островов, среди которых – собственно, Гонконг, большие обитаемые острова Лантау, Пенг-чау, Чунг-чау, совсем маленькие необитаемые, а также часть материкового Китая, которая называется Коулун («Девять драконов») и Новые Территории, расположенные глубже на материке (50 км с востока на запад и 38 км с севера на юг) и тянущиеся до административной границы с Китаем.

Большинство коренного населения Гонконга всегда составляли китайцы. Это выходцы из Кантона (южной территории Китая), а также представители разных народностей, пришедших сюда в XIV веке. Деревни народности хакка до сих

пор сохранились и, являясь сегодня объектом туризма, сохраняют официальный статус деревень, где проживают потомки переселенцев.

Гонконг долгое время был очагом бунтов и пиратства. И один из последних по времени примеров того, на что способен в этом смысле и Гонконг – существование в Коулуне своеобразного автономного, пользующегося репутацией бандитского, города-крепости с тем же названием – Коулунь (Kowloon Walled City). Эти трущобы, не поддававшиеся даже уже в условиях современного мира более 20 лет практически ничьему контролю, возникли на месте военного форта, что, несомненно придавало городку дополнительный статус места мятежного и опасного. Группировки под названием триады, наркотики и проституция, азартные игры и убийства – вот стиль и жизнь этого наводящего ужас на весь Гонконг, включая полицию и правительство, анклава. Что там было правдой, что вымыслом – неведомо. Дело заключалось ещё и в том, что он не подчинялся никому – город-крепость не вошёл в соглашение о передаче территорий Гонконга Великобритании.

Джеки Чан стоит на вершине холма, чтобы показать, где снимался один из ключевых эпизодов фильма «Полицейская история». «Когда мы это снимали, здесь не было никаких домов. Не было ничего», – рассказывает он, обводя рукой

пространство. Да, верно. Гонконг – это, похоже, практически вечное строительство, освоение новых и новых территорий с этой целью. Если вы будете приезжать сюда раз в десять лет, то всегда будете видеть это. Но точка на карте, которую не сразу и отыщешь и которая, при увеличении, распадается на группу островов, большой и главный остров Гонконг и часть материка, – уже многие десятилетия исключительно точкой не остаётся.

С Гонконгом связано очень много. На него ориентируется огромная часть мира, поскольку это уникальный пример того, как совсем небольшое государство в государстве за короткое время стало одной из сильнейших экономически развитых территорий. Не будем также забывать о существовании соседнего Макао – бывшей португальской колонии. Макао жил и развивался также очень интересно и разными путями, но преимущественно – через игорный бизнес. Парадоксально, но факт: на рискованных увлечениях и азарте человека можно, оказывается, обустроить маленькое государство. Прибыв туда, вы должны пройти пограничный контроль, а на обратном пути в Гонконг заполнить таможенную декларацию. Две страны, два государства, ничего не поделаешь.

Если в самом начале XXI века вы, по прилёте в Гонконг, слышали в аэропорту и на улицах разговоры преимущественно и даже почти исключительно на кантонском диалекте, то сегодня сразу же отметите, насколько ситуация из-

менилась. Кантонские тона присутствуют теперь почти исключительно в разговорах пожилых жителей Гонконга – где-нибудь в парках, где старшее поколение по-прежнему с удовольствием собирается, чтобы пообщаться. На улицах, в ресторанах, на паромах и катерах, в магазинах звучат сейчас практически все диалекты огромного Китая. Гонконг перестал быть автономной территорией. Китай с большим удовольствием забрал его себе. Мнения среди коренных жителей на этот счёт существуют различные, но в целом люди сходятся на том, что, к сожалению, постепенно то очарование города и этого края, которые были раньше, утрачиваются.

Удивительное место. Сегодня – крупнейший мегаполис, в центре которого на очень малом пространстве существует огромное количество бизнес-центров, банков и иных учреждений подобного рода, располагающихся в высотных зданиях из стекла и бетона. Оценить этот бурный, фантастический, эклектичный мир со стороны удаётся уже в значительной степени, когда двигаешься на пароме по заливу между островом Гонконг и Коулунем. В то же время здесь сосредоточено такое разнообразие культурных и исторических достопримечательностей, социальных и иных особенностей, каким способны похвастаться немногие большие страны. Скажем, по заливу вот уже многие десятилетия до сих пор курсирует старенький паром Star-Ferry. И это несмотря на то, что от Гонконга к Коулуню давным-давно

проложены трассы по мостам и подземные тоннели. Но гости города предпочитают прокатиться именно на пароме. Star-Ferry неторопливо отчаливает, и перед вами – красивейший вид вечернего Гонконга, залитого огнями. Скамейки на пароме деревянные, а на двери рулевой рубки можно заметить небольшую табличку – «1955». Не отстаёт от парома и другая достопримечательность-транспорт: двухэтажный трамвай. Трамвайное сообщение в городе было открыто в 1902 году. Тогда здесь не было практически ничего, Гонконг лишь начинал быть городом, а трамвай уже гремел и шёл через весь остров, по всей протяжённости его вдоль береговой линии. Гремит это чудо, украшенное современной рекламой, и сегодня. Без устали возит гонконгцев и туристов. И те и другие одинаково любят гонконгский трамвай, несмотря на все его неудобства. Забравшись на второй этаж и заняв место у переднего окна, вы проедете через весь Гонконг, полюбуетесь его видами, оцените его динамику и все-все его прекрасные стороны, его стиль, его вечную, будем надеяться, жизнь.

Гонконг – смешение всего на свете: ритмов, мировоззрений, взаимоотношений. Ощущается это очень остро ещё и потому, что всё происходит на маленьком пространстве. При этом, будучи по своей природе людьми динамичными, весёлыми и шумными, южные китайцы свято чтут традицию молчаливого общения с природой, оберегают свои мыс-

ли, внутренний мир. Здесь вообще объединены цивилизация в самых мощных, даже эксцентричных её проявлениях, и традиции. Немало в городе мест, где можно узнать и понять старый Китай. Чуть-чуть отойдя от центра города, вы внезапно попадаете в небольшой старинный кварталчик, где есть магазины товаров-атрибутов чайной церемонии, стоят старые обветшавшие домики, балконы которых держатся на бамбуковых подпорках. Кажется, эта конструкция вот-вот рухнет, но китайский бамбук – один из самых прочных в мире материалов, и подобные сооружения, будьте уверены, переживут не только нас с вами, но и наших внуков.

Климат в Гонконге субтропический, и зимой температура не опускается ниже 14 градусов тепла. Летом жарко порой невыносимо, до 40 градусов. Приезжать сюда лучше поздней осенью или в декабре, когда нет дождей и светит яркое солнце. Если нет тумана и небо не затянуто серой пеленой, это можно считать огромной удачей. Ясные дни действительно редки в Гонконге, и для любознательного гостя город открывает самые разные свои виды – особенно если вы смотрите на него с высоты.

Таково это место. Здесь прошло детство нашего героя. Здесь он вырос и обрёл имя. Улицы города неоднократно становились естественными декорациями к его фильмам, как и к фильмам его друзей по цеху.

(Ну, а я, на правах автора, рискну ненадолго переадресовать внимание читателя на свой журнал в системе Livejournal, а конкретно – на подборку солидного количества своих постов с собственными фотографиями любимого города: <https://olgak11971.livejournal.com/tag/Гонконг> Просматривать посты будет лучше, если вы, проявив терпение, переберётесь к самым первым публикациям по этому тегу и будете двигаться по хронологии и датам добавления постов. Отсюда можно и начать: <https://olgak11971.livejournal.com/329239.html>).

О гонконгском кинематографе. Штрихи информации

Гонконгское кино, по большому счёту, даже в самые «независимые» периоды, находилось и развивалось на стыке, по крайней мере, трёх обстоятельств. Во-первых, это сугубо национальное (китайское) искусство, во-вторых, благодаря обращению и открытости в сторону европейских примеров и ценностей, оно неизбежно принимало и впитывало многие черты кино западного, а в-третьих, счастливо избежало участи социального заказа, как это произошло на определённом этапе с китайским национальным искусством на материке.

В предисловии к своей книге **«Кинематография Тайваня»** С. А. Торопцев, исследователь традиционной культуры, литературы и искусства Китая, говорит о том, что гонконгское кино является одной из частей общего для азиатского континента национального феномена – китайского кино. Другие его части – кинематограф континентального Китая и кинематограф Тайваня, а также произведения азиатских кинематографистов, которые жили в США. Хотим подчеркнуть верность и важность этого утверждения.

Истоки любого направления в искусстве всегда имеют

под собой почву фундаментального порядка. Как правило, это объективное требование времени и сложившейся конкретной ситуации. Гонконгское общество, сформировавшееся из выходцев самых разных провинций и городов огромного Китая и представлявшее собою на момент формирования первых кинематографических компаний своеобразный калейдоскоп традиций и диалектов (ведь Китай, вопреки распространённому мнению, и сегодня не есть однородная страна, а тогда, оказавшись на одной маленькой территории, эмигранты, не обладающие современными коммуникациями, и вовсе были в непрестом положении), остро нуждалось в объединяющих коммуникативных векторах. Кино таким вектором стать могло и стало. Жизнь гонконгцев – первых мигрантов из материкового Китая – действительно изменилась с приходом в их трудный, полный лишений быт, светлого и радостного начала – кино.

Конечно, если речь заходит об истории гонконгской кинематографии, непременно и практически сразу, без всяких предисловий, произносится и пишется имя уникального деятеля **Ран Ран Шао**. Время не оставило шансов тем, кто начинал раньше или одновременно с ним. Однако, как мы уже говорили не раз, на пустом месте ничто и никогда не возникает. И до того, как Шао в 1958 году установят в Гонконге знаменитую **Shaw Brothers**, которая утвердит себя здесь в качестве практически единой на долгие го-

ды компании-монополиста на гонконгском кино- и телерынке, в этой точке света возникали и другие попытки развития индустрии. Теперь буквально коснёмся этих страниц.

Жизнь кинематографу Гонконга дало кантонское традиционное оперное искусство. Именно по мотивам одного из старых сюжетов, переложенных на язык кантонской оперы, был снят первый гонконгский короткометражный фильм. По крайней мере, так считается, поскольку прочие ленты, возможно, и имевшие право на конкуренцию с названной, утрачены. Первым же исполнителем в кино Гонконга считается режиссёр и актёр, деятель во многих областях жизни и общества, член гоминьдановской партии, принимавший участие в революционных событиях, **Лай Ман-Вай**. В фильме **«Чжуанцзы испытывает свою жену» (1913)** он сыграл главную женскую роль. И конечно, сразу же вспоминаются работы нашего современника, умного и прозорливого Чэня Кайгэ **«Прощай, моя наложница» (1993)** и его же относительно недавняя картина **«Мэй Ланьфан: Навсегда очарованный» (2008)** – фильмы, явившиеся своеобразными опорами культурного моста между давним прошлым и современным видением этого прошлого. Действительно, и китайское оперное искусство, и традиции, и методы работы исполнителей жанра – суть неотделимые, в том числе и от кинематографа Китая и Гонконга, явления, кто бы и как с этим ни спорил.

Лай Ман-Вай в 1913 году создал киноработу, от которой принято и сегодня вести отсчёт сделанного в кинематографе Гонконга. Но судить о работе «Чжуанцы испытывает свою жену» можно по достаточно малому количеству сохранившихся свидетельств и материалов. Есть фотография, на которой изображён Лай Ман-Вай в костюме жены Чжуанчжоу – той, которой и устроил мудрец испытания и проверку. Задачи специально для этой книги заниматься поисками всех раритетов по данной теме не было, однако заинтересовавшимся и желающим поближе познакомиться с тем, что касается жизни и деятельности Лай Ман-Вая, можно порекомендовать замечательную документальную работу гонконгских кинематографистов **«Лай Ман-Вай. Отец гонконгского кино» (2001)**.

Мы решили сделать некоторое отступление от основного повествования о Джеки Чане по той причине, что хочется обратить внимание на интересную составляющую жизни гонконгского кинематографа (и не только), которая касается и преемственности поколений, и, похоже, заложенного традицией и воплощающегося в ней же особого трепетного отношения молодых людей к тем, кто жил и работал задолго до них. Фильм **«Актриса» («Авансцена») (1992)** Стэнли Квана с Мэгги Чун в главной роли рассказывает о судьбе и короткой жизни актрисы **Жуань Линъюй**. Это 20-30-е годы прошлого века. В фильме имеется и небольшая ли-

ния Лай Ман-Вая, однако сейчас о другом. «Актриса», получившая международное признание и отмеченная высокими наградами, содержит в себе любопытный приём диалога времён, их переклички. Современные (1992 год) актёры, режиссёр, ещё какие-то люди (и не очень ясно, сколько их – просто группа) сидят в студии и обсуждают в перерывах между съёмками героев: Жуань Линъюй, её коллег и тех, кто был в её жизни. Документальные съёмки общения, разговоров вокруг тем будущего фильма. Участники дают какие-то свои, порой наивные и забавные оценки тому, что видят на экране (интервью с актёрами прошлого и коллегами Жуань), тому немногому, что сохранилось из киноработ. Обсуждая то время и тех людей, в образы которых затем перевоплощаются в работе над своим фильмом, они объективно и ёмко рассуждают о прошлом, одновременно стараясь примерить поступки тех людей к самим себе. Вот таким образом и складывается в истории и культуре преемственность: живая, пусть даже и непосредственная, оценка прошлому. В фильме это демонстрируется ясно. И, помимо блестящих актёрских работ, фильм ценен этим тоже.

Вообще, что касается уважения к прошлому – и в кинематографе, и в театре, и в литературе здесь существует достаточно интересных примеров. Гонконг очень прочно сохраняет в себе удивительный дух Шанхая. И если вы однажды познакомились с Гонконгом – непременно должны оказать-

ся и в Шанхае, а если первым в вашем списке стал Шанхай – обязаны отправиться в Гонконг.

Ран Ран Шао и другие. Новые страницы в кино

С фотографии 1926 года на нас смотрит совсем юный и красивый человек. В нём читаются ум, живость и интерес к миру. Ему 19 лет. Если принимать дату его рождения 23 ноября 1907 года за верную, то ему суждено прожить 106 лет и покинуть мир в статусе одного из самых выдающихся предпринимателей и медиамагнатов, каких только этот мир знал. Будучи, безусловно, монополистом в своей области, он использовал абсолютно все шансы. Или не все, но просто везло. Или характер. Каждый раз, когда речь заходит о подобного рода людях, приходится задаваться вопросом – как? И фундаментального, чёткого ответа на него нет. И хотя были разные периоды, в том числе и неизбежный период заката его деятельности и его детища – Студии Show Brothers – всё-таки и результаты, и само по себе количество лет, в течение которых киноиндустрия именно под крышей «Братьев Шао» была на подъёме, впечатляют. Ран Ран Шао, помимо кино, открыл гонконгцам и ещё одно окошко в мир. Это деяние точно переоценить сложно. Он не был первооткрывателем телевидения – в 1957 году в Гонконге начала работать **ATV (Asia Television Limited)**, однако его младшая современница, студия **TVB (Television**

Broadcasts Limited), начавшая работу на десять лет позже компании-конкурента, содержала в своей программе действия нечто гораздо более интересное. Не сразу после её создания, а в 80-х годах, когда для этого наступило подходящее время и пришло очень любопытное поколение молодых людей, уже не знавших невзгод эмиграции, выросших в Гонконге и, благодаря развитию экономики и потенциалу, который был обеспечен поколениями предыдущими, чувствовавшими себя очень свободно, возникла идея создания на ниве гонконгской эстрады собственного жанра. Жанр получил название кантопоп. Кантонский диалект – объединяющее начало для исполнителей. А стиль – далеко не только, собственно, поп-музыка. Именно с этой гениальной идеи создания условий для развития собственного музыкального направления, обеспечившей уверенное продвижение вперёд самых интересных гонконгских молодых исполнителей, одновременно, наряду с развитием музыкальных и эстрадных жанров, начинается, по большому счёту, и целая эпоха в гонконгском кино. Дело в том, что и школа, организованная при Студии, и музыкальные конкурсы по выявлению новых талантов, и другие большие шаги и мероприятия из арсенала фирменного стиля TVB, в короткие сроки обеспечили выход на сцену будущих звёзд кино: Лесли Чуна, Аниты Муй, Энди Лау и многих других. И неслучайно мы выделяем эту тройку. Они, на наш взгляд, наиболее точно и ярко служат в качестве примеров высокого профессионализма как в музыкальном

отношении, так и в актёрском творчестве. Кроме того, они долгие годы сохраняли между собой дружбу, несмотря на все сложности и разногласия. И дружба, и ощущение ими некой общей тональности помогали им совершать чудеса на съёмочных площадках. Во многом поэтому фильмы с их участием являются высшими достижениями гонконгского кино 80-90-х годов – золотого периода, ставшего таковым благодаря этим людям.

Возникали и закрывались в Гонконге и другие кинокомпании. Вообще, процесс в разные времена шёл очень активно, сопровождался интересными поворотами, которым стоило бы посвятить отдельную книгу. Каждая из студий и старалась, и сказала своё слово. И «Шао» не были единственными. Более того, в разные периоды, при установке руководителей экономить на всём и вся, в том числе на исполнителях главных ролей и технических сотрудниках; при том, что, несмотря на все попытки закрепиться на Тайване, они потерпели там крах и были вынуждены внедрять кинопроизводство в Гонконге, где консервативные устремления далеко не всегда приветствовались; при том, что время от времени конкуренция возрастала и возникали гораздо более интересные и перспективные студии – могло казаться, что «Шао» не продержатся. Но каждый раз обстоятельства оказывались в их пользу. За исключением, пожалуй, событий начала 70-х годов. Но об этом расскажем позже.

Некоторый консерватизм Шао гонконгскими коллегами, несмотря на обратные утверждения, почти никогда не приветствовался. Были попытки конкуренции, и попытки активные. Так, студия «Дяньмао», унаследовавшая в 1955 году от довольно крупной и интересной компании «Юнхуа» (в своё время резко и демонстративно отмежевывавшейся от «левых» настроений, через что удалось сделать такие отличные фильмы как «Дух родины», режиссёр Бу Ваньцан, «Тайная история цинского двора», режиссёр Чжу Шилинь, «Похороны огня», режиссёр Чжан Цзюньсянь и многие другие) студийные павильоны и аппаратуру с новейшим оборудованием, прямо под носом у «Шао» стала работать над, по тем временам, абсолютно новыми жанрами и смотреть по сторонам, а то и за горизонт, подхватывая самые разные ракурсы. «В быт ее киногероев, – говорит в своей книге „Кинематография Тайваня“ С. А. Торопцев, – постепенно вторглся западный образ жизни (кофе, теннис, фехтование как светский досуг), отражая вызревавшую в Гонконге новую культуру, соединяющую Восток с Западом. В фильмах „Дяньмао“ много эмансипированных женщин, добивающихся, вопреки воле родителей, свободы брака, но внутренняя негибкость этих женщин облачалась в традиционную восточную мягкость»¹. «Дяньмао» распалась в 1971 го-

¹ Торопцев С. А. Кинематография Тайваня. Изд. Эдиториал УРСС. Москва., 1998. Стр.65

ду, не выдержав конкуренции с «Братьями Шао».

А компания «Синьхуа» в своё время совершила целый переворот в кинематографе и психологии зрителя, создав жанр под условным названием «Поющие девушки». С тех пор и много лет после гонконгские и тайваньские фильмы почти не обходились без песен. Как нельзя кстати этот жанр пришёлся в своём расцвете на 60-е годы.

Но вообще любопытен тот факт, что тенденции западного кино, в разное время неизбежно проникавшие в гонконгский кинематограф и пытавшиеся придать ему свой оттенок, приживались там всё-таки не так просто. По этой причине прекратила существование «Дяньмао». Были и ещё примеры. Появившаяся и заявившая о себе несколько позже группа молодых режиссеров, среди которых были Ален Фонг, Энн Хуэй, Цуй Харк, имела явно не ограничивающиеся рамками отечественного национального кино амбиции. Но в 80-х годах эта тенденция не получила должного развития. Цензура, контингент публики и ряд других обстоятельств привели к тому, что кинопроизводство Гонконга опять замкнулось в себе. Именно в период 80-х получил возможность наиболее ярко проявить себя Джеки Чан.

Ныне кино Гонконга продолжает удивлять зрителей всех континентов разнообразием жанров, стилистических мотивов и имён. Оно удивительным образом сочетает в себе тра-

диционные национальные особенности с сегодняшними требованиями, как в техническом, так и в духовном плане. Имена Чэня Кайгэ и Чжана Имоу знают во всем мире, тогда как оба режиссера не отступают в своих фильмах от проблем, связанных исключительно с их родным континентом. Одновременно существует целый ряд имён самобытных режиссёров, всё-таки, путём долгой борьбы, зарекомендовавших себя как «западники», и среди них – Цуй Харк, Ринго Лам и, конечно, Джон Ву.

Наиболее заметной и, на мой взгляд, до конца не исследованной фигурой из числа тех, кто, будучи связанным происхождением и местом работы с гонконгским кино, одновременно не связывает себя навечно ни с западом, ни с востоком, является сегодня Вонг Карвай. И он успешно осуществляет свои идеи и замыслы как творческого, так и практического свойства. Об этом говорит признание и премии как азиатских киноакадемий, так и европейских.

Уровень мастерства, стиль, роль актёра в кинематографе

Тоже тема, требующая отдельного разговора, но необходимо её хотя бы коснуться. Поскольку мы говорим о преемственности поколений и о том, что и Гонконг, по большому счёту, несмотря на ставку на модернизацию, никогда не порывал с традицией, в том числе, в искусстве в целом и тради-

цией исполнительского искусства – в частности, и, более того, некоторые направления, благодаря отсутствию политики уничтожения всего старого и отжившего, какая долгие годы была распространена в материковом Китае, сумел сохранить в искомом их качестве, – всё вместе, все эти обстоятельства и формы, являют нам любопытную картину, сложившуюся в области актёрского искусства в кино Гонконга. Хотя, прочитав эти несколько абзацев, читатель, и особенно искушённый любитель этого кино, боюсь, будет несколько разочарован.

А дело в том, что актёр в гонконгском кино, в силу внешних обстоятельств, на протяжении многих лет и даже десятков лет, был птицей полёта отнюдь невысокого. Но всё зависит от того, с какой точки зрения рассматривать явление. В данном случае мы должны плавно перейти к роли актёра, месту и значению его мастерства в Китайской опере – одном из самых любопытных жанров в искусстве и творческом наследии Китая. Тогда многое станет ясно.

Не нужно долго останавливаться на том, что актёр в китайском народном искусстве (а Китайская опера – народное искусство, и ценность его заключается, прежде всего, в этом!) не мог, не может по сей день и, самое главное, абсолютно не должен обладать набором тех качеств мастерства, которые присущи артисту условно «западному», являются для него обязательными исходя из западных традиций и традиций актёрской школы. Начать хотя бы с то-

го, что «школы» – в том понимании, которое присуще нам с вами, тоже «западным» людям – в Китае (если, конечно, речь идёт о школе в традиционных искусствах) не существует. Актёрское мастерство в исполнительских жанрах в Китае – это не критерии возможностей артиста, который безупречно мог бы владеть психологическим направлением или был бы искусен в театре «отстранения». Актёр Китайской оперы – актёр «театра представления». Да и это можно утверждать лишь отчасти – ведь мы, волей-неволей, снова прибегаем к терминологии западных теоретиков, стараюсь наиболее точно определить характер существования актёра в условиях китайского традиционного спектакля. Синтез: движение-пение-стиль-характер в самых схематичных и максимально условных его чертах. Вот, на наш взгляд, как можно было бы наиболее точно и ёмко передать заложенное традицией требование к актёру Китайской оперы. И даже если современных китайский артист сегодня напрочь отвергает утверждение, что и он – особым и загадочным образом – принадлежит этой традиции, – не верьте! Он лукавит. Повторяем, ничто полностью и окончательно никуда не исчезает.

Так вот, китайские актёры, в особенности те из них, что были первыми исполнителями в фильмах, создававшихся в Гонконге, абсолютно естественным образом брали многие свои приёмы из того собственного сундука с богатствами,

который, в целом, и является искусством Китайской оперы. Традиции эти продержались довольно долгое время. И даже если артист не был уже напрямую связан с китайским оперным искусством, он всё же должен был следовать сложившимся правилам. Это ясно видно на примерах.

Мы не можем оценить игру Май Лан-Вая в силу причин технического толка, но понятно, что это был исполнитель, перенесший основные каноны традиционной Китайской и Кантонской опер в кино. Гораздо полнее можно представить, что же на самом деле представлял собой в условиях кинематографа артист оперы, если посмотреть несколько фильмов с участием отца Брюса Ли – **Ли Хой Чуэня**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.